

Роман Казимирский — Si-O-Si-O- Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

Мир жаждал перемен. Он был готов к тому, чтобы мистер N полез на свой пыльный чердак и нашел там некий артефакт, который перевернул бы все с ног на голову. Потом случились бы пресс-конференции и просто конференции — научные и псевдонаучные. Мистер N гордо демонстрирует находку, отвечает на мудреные вопросы. Сразу выправляется осанка, изменяется взгляд. Соседи мужского пола завидуют ему, женского — косятся на мужей и про себя думают: а этот очень даже ничего, и как мы этого не замечали? Есть в нем что-то такое... В общем, что-то в нем есть.

А мистер N тем временем обстоятельно повествует о своем детстве. Конечно, он всегда знал, что его чердак скрывает что-то невероятно важное, о чем когда-то рассказывала ему его бабушка, в прошлом аристократка и по

совместительству выдающийся мыслитель своего времени, чьи мемуары он вот-вот допишет и выпустит отдельным тиражом. Ой, нет, не допишет — конечно, закончит редактуру. Книга, несомненно, станет бестселлером. А как иначе? Бабушка мистера N, как-никак.

И, конечно, он не упомянет о том, что на чердак его послала жена, которой вдруг пришло в голову провести в доме генеральную уборку. И о том, что после семейного скандала ему пришлось пожертвовать походом с друзьями в местный кабак, он также никогда не расскажет. И жена промолчит.

Мир жаждал перемен. Его распирало изнутри от собственной зацикленности на пережеванных, переваренных и вызывающих вздутие живота и изжогу истинах. Богатые богатели. Бедные беднели. Бледные бледнели, а румяные...

Словом, газированная вода десятилетиями искрилась пузырьками, которые со временем стали вызывать раздражение. Раздаривая живительную влагу окружающим, она с каждым годом выдавала все больше и больше пены — до тех пор, пока та не заняла большую часть сосуда. Выслушав сердитых потребителей и согласившись с тем, что пузырьки уже не те, что прежде, производители устроили показательный процесс и, укоризненно качая головами, исключили кого-то несущественного из своих рядов. После этого при большом стечении

народа в торжественной обстановке объявили о новом официальном празднике с повальными гуляниями и, размахивая разноцветными флажками, назвали его в честь себя.

И стали производить еще больше пены.

* * *

Прохлада зала для презентаций сменилась душным бразильским зноем. Впрочем, для Диего Феррейра это не имело никакого значения. Мгновенно ставшая влажной рубашка прилипла к телу, как скотч, а светлый льняной пиджак покрылся пятнами пота, но он этого не замечал. У него все получилось. Голова кружилась от перспектив, слегка подташнивало от волнения. Пустое. Все это не важнее мелочи, звянувшей в кармане.

Он смог. Вот так, просто решился — и теперь никто больше не посмотрит мимо и сквозь него. И пусть эти неудачники из «Адверта» сдохнут от зависти. Три крупнейшие корпорации в его руках! Диего был готов взлететь от радости за самого себя, будто шарик, наполненный гелием. Он шел, пританцовывая, по центральной улице Сан-Паулу и думал о том, что с этого дня его жизнь пойдет совершенно иначе. Наверное, жару было бы разумнее переждать в выставочном павильоне, где

на полную мощность работали кондиционеры, но Диего хотелось поскорее поделиться новостями со старым Энзо. Профессор, скорее всего, будет на седьмом небе от счастья. Конечно, поворчит ради приличия — да пусть ворчит хоть вечность! Кого это теперь волнует?

Парень проверил внутренний карман пиджака — все в порядке, документы на месте. Нет, это не просто документы — это билет в новую жизнь. С дорогим алкоголем, бассейнами, шикарными машинами, женщинами — наука и маркетинг вместе могут творить чудеса.

Старику повезло, конечно. Не было бы Диего, молодого сотрудника рекламного агентства с маленькой зарплатой, но большими амбициями, и по совместительству племянника этого сдвинутого на науке чудика — так и сидел бы он в своей крохотной лаборатории без окон и дверей. Совсем скоро — спрашивайте у продавцов уже в этом сезоне — фанфары, барабанная дробь и группа поддержки в коротеньких юбочках: для Энзо — собственный исследовательский центр, оборудованный по последнему слову техники. Ну, а для Диего — дом на берегу океана с экраном на всю стену. К чертям работу, скоро ему не нужно будет каждый день вставать в шесть утра и допоздна общаться с кретинами, которые не могут отличить ребрендинга от рестайлинга.

Жарко-то как... Зря он не остался внутри. И шляпы нет. Что за странная блажь — застроить центр города офисными зданиями, где и воды-то негде купить. Все вокруг будто плавится, а люди, как маслины в рассоле, лениво скользят сквозь пространство, ежесекундно задевая друг друга липкими плечами.

— Эй! Включи глаза! — очередной мутный прохожий больно толкнул Диего и, даже не извинившись, как ни в чем не бывало, пошел дальше. — Осторожней, каброн!

Диего хотел было добавить еще что-нибудь, но передумал. Сегодня ничто не сможет испортить ему настроения. Но нужно поскорее убираться из этого пекла. Дождавшись зеленого света, Диего начал переходить улицу. Автоматически похлопал себя по карману и застыл на месте от неожиданности. Конверта не было. Рванул лацкан пиджака так, что от него отлетели две пуговицы. Как такое возможно? Нет, нет, нет! Этого не может быть. Неужели тот...

Диего не успел закончить мысль — маршрутный автобус снес его на полной скорости, уничтожив и дом с бассейном, и новую лабораторию для старика Энзо. Улица наполнилась криками. Вареные прохожие, ожив, пытались оказать первую помощь молодому мужчине, лежавшему без движения на сковороде асфальта, но

все было бесполезно. Прибывший уже через три минуты на место происшествия врач скорой помощи, только взглянув на пострадавшего, обреченно махнул рукой и кивнул подоспевшему полицейскому:

— Готов. Оформляйте.

Человек в форме посмотрел на мертвеца, наклонился над ним, аккуратно обыскал карманы, вытащил двумя пальцами портмоне с документами и прочитал вслух:

— Диего Феррейра, двадцать два года. Совсем молодой, — сокрушенно покачал головой. — А где шеф-повар? Не пострадал?

— То есть? — не понял врач.

— Водитель автобуса. Так, здесь пусто. Бегунок. Кто-нибудь видел водителя? — полицейский повернулся в сторону толпы зевак.

— Я видел, — руку поднял подросток, смачно жующий жвачку.

— Не чавкай, когда говоришь со старшими. Где он?

— А я знаю? Ушел.

— Как выглядел? Рост, вес, цвет глаз. Во что был одет?

— Чувак, ты меня раскрыл. Я всем мужикам в глаза заглядываю при встрече, как ты догадался? Только не говори никому.

— Хорошо, давай еще раз. Что-нибудь запомнил? Хоть что-нибудь.

— Обычный тип. Среднего роста. Короткая стрижка, темные очки. Кепка. Рубашка, джинсы. Я же говорю: ничего особенного.

— Да, с таким описанием мы его год искать будем. А как вел себя?

— Как только сбил того бедолагу, остановил автобус, вышел и ушел.

— То есть убежал?

— Нет, спокойно ушел. Как за мороженым для жены.

Ничего себе водитель, подумал полицейский. Неужели заказное? Не может быть. Чтобы так нагло — днем, посреди города, при свидетелях.

— Спасибо за помощь, сынок. Оставь свои данные — мы с тобой свяжемся.

— Ага, сейчас. Только никуда не уходи, — подросток, ухмыльнувшись, смешался с толпой. Полицейский даже не пытался его остановить.

* * *

Ничего случайного не бывает. Никогда. Несчастный случай? Чушь! Он знал, знал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Знал — и все равно согласился. Старый дурак. Нельзя было слушать Диего. Бедный мальчик! Все уничтожить,

ничего нельзя оставлять. Энзо не доверял компьютерам и все свои записи хранил в блокнотах — и теперь наблюдал за тем, как огонь пожирал плоды его многолетней работы. Оказалось, что это совсем не сложно — уничтожить свою жизнь, будто ее и не было. Всего-то и нужно было на несколько секунд задержать дыхание, резко выдохнуть и ни о чем не думать. Главное — начать.

Да, главное — начать. Так и сказал ему когда-то Диего:

— Не бойтесь ничего, дядюшка, я все сделаю сам. Главное — начать. Я все проверну таким образом, что вы и опомниться не успеете, как окажетесь в Понта дос Ганчос с бокалом мохито в одной руке и молоденькой чикой — в другой.

— Тьфу на тебя, щенок! Слушать противно. Если бы твой отец и мой брат был жив, он бы лично насыпал тебе в штаны красных муравьев, — Энзо никогда не отличался излишней терпимостью, а вульгарный юмор своего племянника так и вовсе на дух не переносил. — И не смей внушать мне мысль о том, что я все это делаю ради себя. Забыл, сколько времени ты мне печень портил? Может, еще не поздно все отменить?

— Что вы, что вы, дядя Энзо, я ведь пошутил, — Диего сразу посерьезнел и принял виноватый вид. — Вы ведь знаете, как я вам благодарен — если бы не вы, у меня бы вообще

ничего не было. А если у нас все получится, я обещаю построить шикарную школу в нашем родном районе и назвать ее вашим именем, чтобы ученики и их родители знали, какого великого человека взрастила эта земля.

— То-то же, — довольно хмыкнул профессор. Мальчишка умел говорить правильные вещи, когда хотел добиться своего. — Только помни: пока ни слова сам знаешь о чем. Если всплывут подробности моей разработки, нас ни при каких обстоятельствах не оставят в живых — это слишком важная информация, ей не должны владеть люди вроде тебя или меня.

— Конечно, не волнуйтесь, я ведь не дурак, все понимаю.

Энзо переворачивал кочергой догорающие рукописи и все задавал себе один и тот же вопрос, на который не знал ответа: так был ли Диего дураком? Или все это трагическая случайность? Тогда куда пропали записи, которые его племянник обещал хранить? Может быть, он оставил их где-то? Нет, нет, это было бы очень предусмотрительно, а нынешняя молодежь этим свойством не обладает. Им нужно все и сразу. Боже, боже, что же будет дальше?

Старик бросил последний взгляд на кучку пепла, еще раз удостоверившись в том, что не осталось ни одного целого фрагмента — и тяжело

поднялся. Ничего страшного, успокаивал он себя. Если расчеты и попали в чужие руки, никакой сверхъестественной пользы новый хозяин извлечь из них не сможет. Бизнес-проект — и только. Нет, все не так. Нельзя всех вокруг считать идиотами — это главная ошибка. Любой ученый, у которого в голове есть хоть немного активного серого вещества, без труда сможет разобраться в его записях. Эх, старый осел, как ты мог быть таким легкомысленным?

Еще несколько лет отпустило бы ему небо — он бы все успел. Но профессор уже чувствовал приближение смерти. Нельзя, ни в коем случае нельзя передавать такие знания неподготовленным людям, они превратят их в великое зло. История повторяется. Спираль времени. Завтра же запатентовать свое изобретение — и надеяться, что его не опередили. Или даже сегодня. Да, сегодня — только нужно немного отдохнуть. Голова кружится... Не удивительно. В его возрасте нельзя так волноваться. Где-то у него еще оставались прописанные врачами таблетки, они быстро поставят его на ноги.

Бедный мальчик, бедный... Какая слабость в ногах. Голова кружится, в ушах шумит. Наверное, опять давление. Может быть, действительно плюнуть на все и уехать подальше из этого

проклятого города? Энзо пошатнулся и ухватился за стол, чтобы не упасть.

Нет, так нельзя, хватит. С такой жизнью и до могилы недалеко. Его разработки никого не сделали счастливым — и уже, скорее всего, не сделают. Тогда ради чего все это? Завтра он поедет на вокзал и возьмет билет в Баию, как только решит вопрос с патентом. Только сначала нужно отдохнуть. Сон — лучшее лекарство.

Профессор Феррейра, проваливаясь в бессознательное, все силился вспомнить о чем-то важном. Формулы не желали складываться, выстраивались не в том порядке, словно издеваясь над Энзо. Что-то не так, что-то совсем не так. Нет! В угасающем сознании старика сверхновой звездой вспыхнула догадка. Бледные губы раздвинулись в довольной улыбке.

* * *

**Tribuna do Brazil (25 de julho de 2014 #14
(796))**

НАУКА ПОТЕРЯЛА ГЕНИЯ

Сегодня ночью в результате отравления угарным газом погиб ученый с мировым именем — профессор Энзо Феррейра. Несчастный случай, как установило следствие, произошел по причине неисправности в системе вентилирования.

— Эта трагическая случайность стала невозполнимой потерей для всей мировой науки, — заявил директор Ботанического института г-н ди Оливейра. — Профессор Феррейра всегда являлся для нас примером того, как нужно любить дело, которым занимаешься. Его неутомимая энергия заряжала каждого из нас и вдохновляла на новые изыскания. Несмотря на то, что в последние годы он отошел от дел, нам его будет очень не хватать. Вместе с профессором ушла целая эпоха. Мы потеряли не просто коллегу. Мы потеряли наставника и друга.

Профессор Энзо Феррейра родился в 1943 году в Баие. С 1967 года являлся бессменным сотрудником Сальвадорского Ботанического института. Мировую известность ему принесли научные работы, посвященные невозобновляемым природным ресурсам.

Редакция выражает искренние соболезнования родным и близким.

Ciência brasileira (2014 #4 (78))

ЧУДО — РЯДОМ

Звезды, живущие среди нас, рано или поздно возвращаются на небо, где им самое место. К сожалению, часто случается так, что мы узнаем о светилах, которые находились рядом с нами, только после того, как они уходят. Так случилось и с

профессором Энзо Феррейра, блестящим ученым-биологом. Если бы не его потрясающее открытие, прошедший год ничем бы не отличался от предыдущего.

Кем же запомнят профессора Феррейра потомки? Уж точно не лабораторным планктоном — ученому удалось синтезировать принципиально новый материал на основе силикона, который может быть использован в самых разных отраслях промышленности. Сложно переоценить перспективы, которые открываются перед нами. Даже самые поверхностные исследования говорят о невероятной гибкости и прочности материала, созданного профессором, а также его потрясающей устойчивости к различным температурам. Сообщество ученых уверено в том, что это только начало — и в ближайшем будущем мы сможем узнать обо всех свойствах этого силиконового чуда, которое к тому же относится к легко возобновляемым ресурсам, не наносящим никакого вреда окружающей среде.

Необходимо отдельно отметить дальновидность профессора Феррейра, который незадолго до своей безвременной кончины переписал право пользования патентом на корпорацию SiO Industries, по факту являющуюся международной общественной организацией, поскольку в число ее акционеров входят сразу

несколько стран. Так что мы можем быть уверены в том, что незаконное использование этого материала, способного перевернуть всю систему мирового товарооборота, пресечено уже на начальном этапе.

* * *

— Отчитайтесь.

Натан Воладор еще никогда не достаивался чести быть принятым на таком высоком уровне — как в прямом, так и в переносном смысле. Кабинет, в котором он сейчас находился, располагался на последнем этаже Уиллис-Тауэр. О том, что этот этаж существует, знали всего несколько человек. Вертолетная площадка, персональный лифт, скрытый от посторонних взглядов, и полная изоляция от остальных офисов — все это позволяло вести бизнес независимо от внешних факторов. Здесь не бывает форс-мажоров, подумал Натан.

С изумлением он почувствовал, как у него начинают дрожать ноги. Это у него-то — солдата, прошедшего десятки горячих точек, участвовавшего в семи государственных переворотах. Спокойно. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Представь зеленую лужайку рядом с домом, в котором ты вырос. Речка. Рыбалка. Вдох, выдох.

Лежишь на траве, смотришь на облака. Бегемот, корабль, башмак. Вдох, выдох.

— Отчитайтесь.

— Приказ выполнен. Объект А устранен. Объект Б устранен. Сработано чисто, свидетелей нет. Документы у нас. К сожалению, исходники достать не удалось.

— Причина?

— Объект Б не использовал электронных устройств, поэтому удаленно найти что-либо не представлялось возможным. Рукописи он уничтожил. Вероятно, заподозрил слежку за ним.

— Чья недоработка?

— Не могу знать.

— Кто отдал приказ о физическом устранении объектов?

— Прямого приказа не было. Я действовал строго в соответствии с врученными мне инструкциями.

— Осложнения?

— Не предвидятся.

— Свободны.

Все, разговор закончен. Как все гладко прошло — Натан с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться. Всему свое время. Сегодня он поднялся даже не на одну ступеньку — перескочил сразу целый пролет. Он вышел на крышу здания — частный вертолет уже ждал его. Целый месяц

отдыха! К чертям пляжи — сам того не желая, он растравил душу воспоминаниями. Может быть, на самом деле проведать мать? Он уже и не помнил, когда в последний раз был дома.

Увидев еще один силуэт на пассажирском сидении, бывалый солдат насторожился. Может быть, и его решили зачистить? Ну-ну, давайте проверим, кто кого перетанцует. Он на ходу ощупал пряжку ремня ручной работы — пластиковый нож Lansky, изготовленный по его заказу, был на месте. Натан стремительно запрыгнул в салон, чтобы не дать противнику напасть первым, и приготовился к любому развитию событий.

— Зря вы так разволновались, дорогой Натан. Я вроде бы говорил уже вам, что все болезни — от нервов. Вижу, что мои советы прошли мимо ваших ушей. Вот и нож опять при вас. Не доверяете вы людям, а зря. Вот я, например, вам доверяю. Поэтому и пришел к вам на встречу голым как перст. Или не так говорится? Опять я все перепутал.

Натан знал этот голос. Он являлся ему в ночных кошмарах последние пятнадцать лет.

— Капитан Логан?

— Просто Рон. Теперь я для тебя просто Рон. Ну, рассказывай, дружок, что ты такого натворил, что меня прислали тебя убрать?

Капитан Рон Логан. Рачакский палач. Любимая шутка: расчлений и властвуй.

Улыбающееся лицо, почерневшее от запекшейся и скатавшейся крови. Господи, спаси.

* * *

Натан сидел в просторной светлой комнате на татами — Рон Логан не признавал стульев — и рассматривал картины на стенах. Его внимание привлек портрет обнаженного по пояс мужчины.

— Интересное полотно. Это Цугухару Фудзита?

— Бог с тобой! — Рон возмущенно фыркнул. — Это Курода Сэйки. Репродукция, конечно — я не готов лишать людей радости созерцания оригиналов.

— Я никогда не был силен в японском импрессионизме.

— Ну, ты хоть знаешь о его существовании, что уже похвально.

Натан наблюдал за тем, как капитан Логан, этот страшный человек, от одного вида которого приходили в ужас самые стойкие противники, спокойно разливает чай по миниатюрным чашкам, и ему было не по себе. Всегда есть что-то пугающее в близости бомбы с часовым механизмом — даже если таймер не установлен.

— Рон, давай на чистоту. Зачем я здесь? Ведь если бы ты хотел меня грохнуть, ты бы это сделал давно. Решил поиграть в кошки-мышки?

— А что, хорошая игра. Помнишь, как мы на пару с тобой развлекались в Чили?

— Да, было весело. Но мышь в конце всегда погибает, это я усвоил хорошо. Я — мышь?

— Что ж ты так сразу в лоб? Попробуй-ка лучше чай. Это мой собственный рецепт. С имбирем, корицей и черным перцем.

Натан осторожно попробовал ароматную жидкость. На вкус вроде действительно неплохо. Яда он не боялся — капитан был кем угодно, но не отравителем. Впрочем, привычки меняются, вопреки общему мнению. Даже если и так, что с того? — мысленно пожал плечами Натан и отхлебнул еще.

— Итак, к делу, — капитан Рон Логан пристально посмотрел на своего гостя. — Ты открыл ящик Пандоры, друг мой. Закрывать его уже не получится. Во всяком случае, закрыть и остаться целым и невредимым — никак. Не нужно тебе было ввязываться в это дело, но что сделано, то сделано. Есть два варианта развития событий. Первый — ты нам не подходишь, и я тебя убиваю. Плохой вариант, знаю. Причина и следствие, да? Второй — ты живешь, но только в том случае, если принимаешь правильное решение.

— И какое оно, это правильное решение?

— Вот, — Рон поднял указательный палец, — ты начал с правильного вопроса. Значит, второй вариант тебе больше нравится. Мне, честно говоря, тоже. Теперь делаем так: я говорю, ты слушаешь и молчишь. Меня не перебивать, вопросов в процессе не задавать. Если решишь меня надуть... В общем, не нужно этого делать. Лучше сразу скажи, что не согласен. Тогда умрешь легко. Готов?

— Готов.

Рон Логан говорил, Натан Воладор считал. Сначала он считал, что это шутка. Потом считал, что Рон сошел с ума. Потом он начал думать. Он думал о том, как такая мелочь может быть настолько важной. Потом подумал, что это не такая уж и мелочь. Думал о том, как выбраться из этого живым. А когда понял, что выбраться живым не получится, смирился и расслабился.

— Главное, чтобы ты понял, — подытожил Рон, — никто не выходит из дела. Никогда. Проект расписан на много лет вперед. На десятилетия. Ты, твой сын, сын твоего сына — каждый выполняет свою работу. Да, это тебе не простачков снайперской винтовкой снимать — масштабы несколько иные, но и бонусы отличаются, верно? Делаешь то, что должен, и получаешь то, о чем мечтаешь. Границ нет вообще. Забудь про границы.

У Натана кружилась голова. От открывающихся перспектив, чувства жадности и жалости к себе. Еще было чувство ужаса от того, что предстояло совершить, но он старался не думать об этом.

— Ты — моя правая рука, — продолжал Рон. — Больше никаких недоработок, как с профессором. В ресурсах недостатка не будет. Сына учишь сам, такое правило. Это все. Говори.

— Я согласен.

— Тогда еще чаю?

* * *

Молодой человек в дешевом костюме старался выглядеть внушительно — даже очки надел, но было видно, что ему в них неуютно:

— Адам Майерс, агентство RAM-press. Скажите, пожалуйста, действительно ли ваша продукция соответствует заявленным стандартам — или это просто маркетинговый ход?

Сара Микоян, коммерческий директор SiO Industries, усмехнулась про себя. Вечно голодные журналисты за сотню-другую всегда готовы задавать правильные вопросы и писать правильные материалы.

— Спасибо за вопрос, мистер Майерс! Информация, размещенная в нашем пресс-релизе,

полностью соответствует настоящему положению дел, можете не сомневаться. Компания SiO Industries хоть и связана с рекламным бизнесом, сама в рекламе не нуждается.

— Каким же образом вы собираетесь обойтись без рекламы? Вы настолько уверены в превосходстве вашей новой разработки?

Какой милый мальчуган, подумала Сара. Если его приодеть и снять эти идиотские очки, он будет даже ничего. Да, очень ничего.

— Ну, разработка не наша — это известный факт. Мы — правообладатели. А по поводу вашего вопроса — зачем рекламировать лучшее? Наши клиенты умеют считать деньги. Какой бы агрессивной ни была маркетинговая стратегия — какая необходимость платить больше в несколько раз, если можно получить более качественный продукт за меньшие деньги?

— Лиам Оливер, независимая пресса. Вы говорите о здоровой конкуренции, но, насколько мне известно, ваш патент подразумевает абсолютную монополию. Как вы это прокомментируете?

Оливер, головная боль. Борец за идею. Как он сюда попал? Амит Нанда, исполнительный директор по связям с общественностью, дежурно улыбаясь, ответил просто:

— Мы пользуемся авторскими возможностями, которые нам предоставляет патентное право. Все легитимно. Что именно вас беспокоит?

— Меня беспокоит тот факт, что ваш продукт не имеет аналогов во всем мире. Соответственно, вы сможете диктовать свои условия рынку.

— Вы ведь ознакомлены с бизнес-планом компании SiO Industries. В ближайшем будущем мы намерены следовать изложенным в нем положениям. Они, как мне кажется, более чем разумны.

— Может быть. Ответьте, пожалуйста, на такой вопрос. В вашем пресс-релизе вы говорите о том, что ваша продукция не нуждается в дополнительном обеспечении энергией. Тогда за счет чего она функционирует? Не повлияет ли это на состояние экологии — при тех объемах, которые вы предполагаете?

— Думаю, что в технические подробности мы углубляться сейчас не будем. Если вас интересуют тонкости процесса, вы можете сделать официальный запрос в нашу компанию — Франк Леман, наш технический директор, подробно ответит по всем пунктам. Если, конечно, ваши вопросы не будут касаться информации, которая может быть расценена как коммерческая тайна.

— Ну, конечно, — усмехнулся Лиам. — Я обязательно составлю запрос так, чтобы ваша тайна осталась при вас. А как быть со второй частью вопроса?

— Ни наши специалисты, ни члены независимой комиссии не выявили никаких негативных воздействий на окружающую среду. Наш проект абсолютно экологичен.

— Откуда тогда такие конкретные сроки — использование конструкций исключительно в течение девяти месяцев? Насколько мне известно, договор подразумевает достаточно жесткие санкции с вашей стороны при несоблюдении этого пункта.

Да, с этим журналюгой могут возникнуть проблемы, с раздражением отметила про себя Сара, неплохо было бы переманить его на свою сторону:

— Позвольте ответить мне. У нашего продукта, как и у любого другого, есть оптимальный срок эксплуатации. Наша компания дорожит своей репутацией, поэтому мы ставим такие временные ограничения. Кроме того, замена никак не отразится на конечной стоимости. Клиент платит только за аренду. Все дополнительные расходы мы берем на себя. Вас устраивает такой ответ, господин Оливер?

— Да, спасибо, — Лиам, хоть и не был удовлетворен, все же капитулировал. Что-то здесь

было не так — он это чувствовал. Вот только что именно, не мог понять. — Да, извините, еще один вопрос.

— Пожалуйста.

— Изначально SiO-материал планировали использовать едва ли не во всех сферах жизни. Почему в конечном итоге вы остановились исключительно на рекламном бизнесе? Имеются какие-то дополнительные показатели, по которым ваша продукция не может быть использована при производстве, например, мебели?

Сара Микоян, прежде чем ответить на вопрос, в течение нескольких секунд, будто с сожалением, рассматривала Лиаму Оливера — и только потом ответила:

— Результаты исследований показали, что материал совершенно безвреден и может быть использован повсеместно, однако должно пройти определенное время для того, чтобы мы были полностью уверены в его безопасности. Это требования наших государственных акционеров. Формальность, не более того.

— А о каком периоде идет речь?

— В настоящее время я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Однако я готов встретиться с вами еще раз, как только буду располагать всей необходимой информацией.

— Хм, хорошо. Я подожду.

Жди, дорогуша, подумала Сара. Возможно, это случится раньше, чем ты можешь себе представить.

* * *

Independent Blogs SYS (IBS)

Беседа Кавуча с Чуваком на актуальные темы

— Чувак, ты понаписал в своей мусорке всякого. Народ тебя читает и волнуется. Объяснись, будь добр.

— Все это странно и больше, чем странно. Много-много больше. Вообще мощный загиб. У меня такое ощущение, что нами управляет какая-то сошедшая с ума машина. Знаешь, программа съехала с катушек и играет в какие-то шутеры. Но это не машина — это живые люди, у которых так же, как у всех, по две ноги и две руки. И гадят они самым обычным образом. Это пугает. Нет, пугает не то, что они гадят, а то, что они фактически ничем от нас не отличаются. Тем не менее, нас вырезают, будто мы превысили допустимое количество поголовья. Мы и есть скот для них, это точно.

— Для них — это для кого? И кого вырезают? И зачем?

— Нет, ну, ты определенно не желаешь меня понимать, Кавуч. Это вообще не важно, кто здесь

кто и как называется. Есть общее название — корпорации. Допустим, зовут их Гог и Магог. Так тебе больше нравится? Я могу дальше здесь народ спасать?

— Валяй.

— Я боюсь из дома выходить, сказав что-нибудь левое, поэтому и разговариваю с тобой через десяток прокси-серверов. Попробуй, отследи мой айпи. Уже пробовал? И не получилось, верно? То-то. Рискнешь в открытую задвинуть что-то, что не сочетается с общим курсом, можешь заранее всем своим ручкой на прощанье помахать. При этом сами такую ересь вещают, у меня крыша едет.

— А что они вещают?

— Тебе пересказать содержание новостных программ? Там все, как в сказке: это горе — все не горе. Молодцы-управленцы самых разных мастей думают о нас, ночами не спят, только почему-то становится все хуже и хуже. Конечно, это не их вина — просто так получилось. Форсмажоры сплошные. Кривляются с экрана, а сами под шумок прощупывают почву — сейчас они отдали корпам все права на важнейшие научные разработки, чтобы проверить, проглотит ли народ этот проброс.

— Подожди, что и когда они отдали? Не припомню такого.

— А ты на самом деле веришь в то, что все эти силиконовые штуки подразумевают только

практическое применение? Ну, ты наивный человек. Я тут немного покопался в биографии профессора Феррейра. Ты в курсе, что он все последние годы занимался альтернативной энергетикой? С чего бы это ему вдруг переквалифицироваться в маркетингологи-рекламисты? Это ему-то, ученому с мировым именем? И потом — он вдруг за пару дней до своей смерти взял и переписал права на свое изобретение на какую-то SiO организацию, о которой до этого никто ничего не знал. Зачем это делать человеку, который даже из своего института ушел — лишь бы его разработкам не приделали ноги? А смерть его — вообще чушь невероятная. С каких пор в частных лабораториях, где даже все пылинки лежат в строго отведенных для них местах, и все работает, как швейцарские часы, можно отравиться угарным газом? Ну-ну...

— Это мнение экспертов.

— А кто этими экспертами управляет? Кто им платит? Это что, частные специалисты? Нет, конечно. Если предположить, что экспертов направила та организация, которая и провернула операцию устранения Феррейра, то сложно ожидать других выводов. Я никого не обвиняю, потому что у меня нет доказательств, но в том, что никакой экспертизы не было — я уверен. Так, отписка.

— Ты один такой? Или тебя кто-то поддерживает?

— Имена, адреса? Может, анкету заполнить? Хе-хе, да вы юморист, господин Кавуч. Конечно, я не один такой — в семье несколько уродов, которым еще не до конца промыли мозги. Маленько грязьки осталось, слава всевышнему.

— И чем вы заняты? Это лечебная грязька?

— Конечно! Во всяком случае, от нее больше пользы, чем вреда. Я вот с тобой сейчас разговариваю, например. Кто-то наш разговор прочитает, задумается. Может быть, в результате раздел мира корпорациями пройдет не так гладко, как они надеются. Конечно, кардинальных изменений мы не ждем — силы неравные. Но относиться к нам как к людям, а не как к животным, мы их заставим. Невозможно всех убрать так, чтобы никто этого не заметил. Мы перед устранением хотя бы воздух испортим — но так, чтобы вонь стояла несусветная.

— Ты акцентируешь внимание на уничтожении инакомыслия. Профессор — это понятно. Был кто-то еще?

— А что-то я давно Лиама не встречал. Ты его не видел случайно?

— Лиама Оливера? Нет, он почему-то молчит. Но, говорят, у него проблемы личного характера, разве нет?

— Жена от него ушла. Бывает. Где она находится, я знаю. У своих родителей, где же еще. Но его там нет. И дома его нет. И в сети. Исчез человек. Копал, копал под SiO Industries — и нет его. Наверное, раскопал что-то.

— Это серьезное обвинение, Чувак. Есть доказательства?

— Какие доказательства могут быть? Нет, конечно. Если бы у меня было что-то на руках, я бы здесь не сидел и с тобой бы не трепался. Но будут. Возможно, не сегодня, не завтра — скрывать правду вечно еще никому не удавалось.

— Ты читал последний материал Оливера? Что о нем думаешь?

— Читал, конечно. Кстати, ты заметил, что его уже нет в сети? Вообще все ссылки на него и репосты удалили — будто и не было ничего. А что он там написал? Да ничего конкретного. Вода водянистая, какая-то гидроколбаса. Сплошные намеки, предположения, опасения. Но и этого хватило для того, чтобы у кого-то наверху в одном месте засвербило. О чем это говорит?

— И о чем же?

— Это говорит о том, что в корпоративном мире свободной прессы нет и быть не может. Это атавизм. Я вообще сми не могу читать теперь, а если и читаю, то приучаю себя все воспринимать все с точностью до наоборот. Если в газетах пишут

о том, что все хорошо и будет еще лучше, то пора сушить сухари.

— Ты меня пугаешь. Недавно я прочитал о том, что ученым удалось разработать новый метод аэрации атмосферы. Я не силен в этом вопросе, но в последнее время как-то дышать стало труднее, что ли. Выходит, я зря радовался?

— Я не читал этого материала, но — да, ты поспешил с выводами. Это превентивная политика — прежде, чем люди начнут задавать неудобные вопросы, на них отвечают — коряво, но с пафосом и размахивая флажками. Сидит, допустим, команда пиарщиков во главе с каким-нибудь Нанда и устраивает мозговой штурм: чем же может озадачиться население в ближайшие несколько лет? Воздухом? Так давайте осуществим проброс на тему того, как мы стараемся предотвратить мировую катастрофу. А еще лучше — подбросим им проблему посущественнее.

— Например?

— Легко. Все боятся экстремистов, верно? Давайте создадим таких — и побольше. И наши службы будут с ними героически сражаться. Или инфекция — какая-нибудь смертельная болячка. Ты вот любишь смертельные болячки? Я тоже не люблю. Тебя беспокоит состояние нашей экологии? А что тебя больше беспокоит — природа, которая еще может некоторое время как-то мало-мальски

продержаться, или опасный вирус, который уже где-то рядом и вот-вот будет еще ближе? Что-то в стиле «неужели мы будем ждать, пока он придет в наши дома и убьет наших детей?» — это мой любимый вариант. Конечно, вирус важнее. Справятся наши ученые с этим вирусом — появится новый. А потом еще один. И еще. И так далее, пока эта тема не изживет себя. Я прямо сейчас могу подарить бесплатно корпоративным спецам несколько тем — чтобы сэкономить им время и усилия.

— Не стоит.

— Почему нет? Пусть знают, что все измышления, которые им кажутся оригинальными, на самом деле жалкие и хилые. Ты не понимаешь — большинство из них ведь обычные люди с иллюзией собственной значимости, они не задумываются о последствиях своих действий. Для них это соревнование. Они работают за кусочки сахара, как дрессированные пони.

— Выходит, они тоже промытые?

— Безусловно.

— И что же делать?

— По возможности оставаться мыслящими существами. Фильтровать потоки мусора, которыми нас кормят ежедневно. И понимать следующее: наши слабости для них являются источником дохода. И чем больше у нас этих слабостей и

эмоциональных привязок, тем толще у них карман. И они будут всеми силами стараться и дальше развешивать вокруг крючки, на которых уже болтается большинство из нас.

— Это всё?

— Всё.

* * *

Как Лиам и ожидал, после пресс-конференции СМИ выдали слащавые материалы о том, как еще вчера никому не известная компания смогла произвести на рынке, пресыщенном самыми разными предложениями, настоящий фурор. Потрясающее открытие, новейшие разработки, фантастика живет рядом — и прочее, и прочее. Да, с этим сложно было спорить, но Лиам всегда старался подходить к любой теме как минимум с нескольких позиций, придерживаясь при этом нейтралитета. Поэтому в своем блоге он написал обычную обзорную статью, предоставив своим читателям возможность самим во всем разобраться.

СИЛИКОН INDUSTRIES: ЧЕРТ ИЗ ТАБАКЕРКИ

Честно говоря, я в тупике, что со мной случается редко. Если утверждение «из малого рождается великое» принимать как истину, то

приходится принимать как данность и то, что каждое действие имеет последствие. То есть если вы сегодня по пути на работу потеряли ручку (гипотетически), то, возможно, у вас не будет возможности записать телефон старого приятеля, которого вы случайно встретили в лифте. Понадеявшись на свою память, вы не запомните номер, не позвоните, не договоритесь о встрече в баре — и вас не собьет машина, когда вы из этого бара выйдете.

Или другой пример. Появляется компания, которая в краткие сроки захватывает какой-то второстепенный рынок каких-то второстепенных услуг. Этот рынок тесно связан с чуть более существенными аспектами нашей жизни, которые, в свою очередь, напрямую влияют на нас с вами. Причем влияют серьезно.

А теперь к сути. Компания SiO Industries захватила рынок наружной рекламы. Захватила в прямом смысле этого слова. Все стандартные установки будут в ближайшее время заменены на революционную разработку на основе силикона. Судя по информации, которую распространила пресс-служба компании, конструкции отливаются на заказ и могут принимать любую форму. При этом, что немаловажно (поэтому мы к этому моменту еще вернемся), силиконовая продукция не требует никакого сервиса. Да, это не опечатка.

Единожды установленный, билборд или баннер, или даже дисплей не требует никакого дополнительного ухода. Сара Микоян, коммерческий директор SiO Industries, никак не комментирует такие почти фантастические показатели продукта, ссылаясь на защиту информации, составляющую секрет производства. При этом г-жа Микоян утверждает, что девятимесячный срок является обычным усредненным сроком оптимальной эксплуатации продукта. Тогда совершенно непонятны суровые санкции, которые компания намерена применять к партнерам, не соблюдающим пункт о девяти месяцах, четко прописанный в договоре о сотрудничестве.

Но стоп, что-то я разошелся. А что мы, собственно, имеем? Ну, новая разработка, подобной которой еще никогда не было. Ньютона до Ньютона тоже никогда не было. Ну, новая компания, о которой никто никогда не слышал. Тоже мне новость. Ну, рынок наружной рекламы перестраивается прямо на глазах. И что? Заводы не встали. Реки не высохли. Солнце не перестало светить. Так, может быть, и черт бы с ними, с этими баннерами, билбордами, дисплеями и прочими хитростями мира графических программ?

Может быть. А может, и нет.

Во-первых, вы заметили, что проект был запущен сразу по всему миру? Это гигантские вложения. Таких ссуд в банках не дают — даже под самые перспективные разработки. Следовательно, в лучшем случае за ним стоят корпорации. В худшем — это межправительственный комплот. Да, теперь можете называть меня параноиком, я не обижусь. И даже буду рад, если это окажется паранойей.

Во-вторых, рекламный бизнес — один из крупнейших в мире, если не самый крупный. Вы считаете, что одеваетесь так, как вам нравится, потому, что вам это нравится. Ошибка номер один. Чувство так называемого стиля навязано вам рекламой, хотя вы об этом зачастую даже не догадываетесь. Вы считаете, что вегетарианство — ваш выбор. Или, напротив, гордитесь своим мясоедством назло вегетарианцам и полагаете, будто таким образом подчеркиваете свою индивидуальность. Ошибка номер два. Ну, вы поняли намек, верно? Дальше будут номер три, четыре, пять — считать можно долго, очень долго. Теперь вы представляете, сколько финансов крутится в этом замкнутом мирке? Это гигантская алмазная река. А теперь рисуем в своем воображении проект, с помощью которого эту реку направляют по искусственному руслу. Что же происходит? Появляются новые оазисы. А старые? Старые рано или поздно гибнут.

В-третьих, проект SiO Industries создает замкнутую систему, которая не подразумевает наличия хоть какой-нибудь конкуренции. То есть компания работает по принципу «кто не с нами — тот против нас». Скоро наступит момент, когда останется только SiO — к этому все идет. Остальные компании попросту разорятся. После того, как все конкуренты исчезнут, а такой исход не за горами (читай: это уже происходит), владелец чудо-технологии сможет диктовать свои условия всему рынку. Продолжать?

И, наконец, в четвертых. Это самое важное. Специалисты компании SiO Industries утверждают, что их продукция не наносит никакого вреда экологии. Хорошо, допустим. Но в то же время из обнародованных документов нам известно, что силиконовые формы не требуют никакого (!) обслуживания. То есть нужен вам баннер — пожалуйста. Ровно на девять месяцев. Нужен билборд с подсветкой — не проблема. Подсветка живет своей жизнью внутри конструкции. Без подзарядки! Опять же — девять месяцев. Требуется дисплей? Девять месяцев он будет крутить ваши ролики, пока его не заменят новым. Может быть, нам эти девять месяцев на trimestры разделить? Как-то слишком это все плацентарно выглядит, не находите? Люди, задумайтесь! Мы все учились в школе и отлично осведомлены о том, что ничего из

ничего не возникает — и тем более не исчезает бесследно. У всего есть своя цена. И как раз эту цену руководство компании называет коммерческой тайной. Не является ли этот юридический шаблон обычной маскировкой лжи эпического масштаба? И что эта ложь скрывает?

Поверьте: меньше всего мне хочется сеять панику. Если выяснится, что все написанное выше — плод моего больного воображения, я первым спою гимн своей страны у местного филиала SiO Industries. Но пока у меня нет всей информации, я имею право на сомнение. Мало кто знает о том, что я на самом деле ненавижу сомневаться. Да, это так. Мое любимое чувство — уверенность. И пока я не обрету второе, я буду делать все возможное для того, чтобы избавиться от первого.

Ждите, мне есть, что сказать вам.

Ваш Лиам Оливер

* * *

— На что мы будем жить? — миссис Оливер всегда отличалась прямоотой. — Ты говоришь, что хочешь детей. Я тоже хочу. Но рожать их — на что? Чем ты их обеспечишь? Социальным пособием? Сколько можно в этом дерьме валяться и пачкать все вокруг? Кому нужна твоя писанина, кроме тебя самого?

— Милая, мы ведь это уже обсуждали, — Лиам с виноватым видом оторвался от экрана компьютера. — Подожди немного, у меня сейчас как раз серия очень важных материалов. Что-то происходит. Возможно, я смогу раскопать кое-что важное обо всей этой силиконовой истории.

— Ну, раскопаешь ты, и что? Что-то изменится? Предлагаешь мне питаться твоим признанием? На кой оно сдалось, если мне на улицу скоро будет выйти не в чем?

— Ну, мы ведь не голодаем...

— Какое счастье! — женщина с насмешкой молитвенно сложила руки. — Прикажешь мне благодарить тебя за это, хозяин?

— Зачем ты так? Я ведь стараюсь.

— Ты стараешься не в том направлении, Лиам! Ты стараешься для всех, а мне нужно, чтобы ты сначала постарался для меня. Для того чтобы заниматься благотворительностью, нужно сначала чего-то добиться в этой жизни — иначе все теряет смысл. Ты, как обычно, выбрал самый простой путь. Хочешь быть героем? Пожалуйста — но без меня.

И она ушла. Все ее вещи уместились в один чемодан. Семейные фотографии она забирать не стала.

Лиам сидел в своем скрипящем кресле, покачиваясь из стороны в сторону и тупо пялясь в

погасший монитор. Семь лет жена терпела его. Сначала поддерживала все его проекты, даже принимала в них участие. Потом ей надоело. Мог ли он винить ее в этом? Нет, конечно. Он сам был творцом собственной жизни. Паршивым творцом.

Друзья, которые когда-то поддерживали его, давно заняты обустройством собственных шалашей — и чем дальше был от него бывший друг, тем больше его шалаш становился похожим на дом. С камином, небольшим садиком и лающей псиной. Может, и ему начать удаляться от самого себя, а там глядишь — и жизнь наладится.

Действительно — кому нужны его статьи? Таким же маргиналам, как и он сам. Может быть, пора уже последовать совету жены — Лиам надеялся, что еще не бывшей — и постараться сделать что-то полезное для себя? Блогер задумчиво посмотрел на запечатанный конверт. Документы, свидетельства, записи — все это могло бы стать не просто сенсацией, а вызвать международный скандал. SiO Industries, только родившись, исчезнет, будто ее никогда и не было.

Или не исчезнет. За хороший дом и солидный счет в банке. И жену, которая вернется. И детей, которых она ему родит. Почему бы и нет?

Оливер достал из кармана монетку и подкинул ее — он всегда делал так, когда не мог или не хотел принимать решения. Кусочек металла

описал дугу и весело зазвенел, ударившись о деревянную поверхность старого паркета. Лиам несколько секунд смотрел на монету, лежащую решкой кверху, будто надеялся, что она еще раз подпрыгнет и волшебным образом перевернется, затем открыл записную книжку и нашел личный номер Амита Нанда, исполнительного директора по связям с общественностью силиконовой корпорации. Стараясь ни о чем не думать, он достал телефон и нажал на кнопку звонка.

— Нанда, слушаю вас.

— Здравствуйте, это Лиам Оливер. Я бы хотел... ээ... Я бы хотел встретиться с вами.

— Мистер Оливер, мы ведь с вами недавно виделись. На пресс-конференции, если не ошибаюсь. И договорились о том, что вы сформулируете вопросы — а мы на них ответим в рабочем порядке. Я прав? Никаких вопросов от вас мы пока не получали.

— Да, да, конечно, все так. Но у меня есть кое-какая информация. Думаю, она вас заинтересует.

— Сомневаюсь. Мы совершенно прозрачная организация, нам скрывать нечего.

— Информация касается профессора Энзо Феррейра и его племянника, Диего Феррейра. Вам действительно совсем-совсем не интересно?

— Минутку, — Амита Нанда прикрыл трубку рукой, но Лиам слышал, как тот с кем-то переговаривался. — Да, мистер Оливер, мы готовы принять вас. Через полчаса за вами заедет наш водитель. О, не беспокойтесь, он знает, где вы живете.

Лиам, отключившись, закрыл глаза и выдохнул. Собственно, что он так переживает? Он никого не предаст, ничьих ожиданий не обманывает. Это его личная информация. Захочет — продаст, захочет — уничтожит. Копии — под матрац, на всякий случай. Гарантия безопасности никогда не помешает.

— Что будем делать? — Амит провел рукой по груди Сары Микоян.

— Пусть Логан разберется, это его проблемы. Иди ко мне, — Сара потянулась на кровати и улыбнулась.

* * *

Братьям Фишерам — Марку и Сэму — на роду было написано стать рыбаками. Они родились и выросли в небольшом портовом городке, где любой мальчишка в первую очередь учился вытаскивать крючок из пальца, а уже затем — читать и писать. Когда пришло время, оба женились, вскоре появились дети. Как и все в

округе, они перебивались случайными заработками и коротали вечера в местных пивнушках.

Имелась у них и посудина, дышащая на ладан, и рыба в ней. Рыбачили они всю свою сознательную жизнь. Сначала — для удовольствия, а потом, когда жены им поставили ультиматум: или на столе будет что-то, помимо даров моря, или в их постели они однажды ничего, кроме рыбы, не обнаружат — пришлось искать сбытчиков. И тут оказалось, что за счет своего хобби они могут вполне сносно существовать. Заручившись поддержкой женской половины, они полностью посвятили себя любимому делу. Каждое утро с рассветом они выходили в море, а к двум часам уже подсчитывали выручку. Иногда ее было больше, иногда — меньше, но в целом на жизнь хватало. В этот раз день не задался с самого начала — рыба, будто испугавшись чего-то, не желала реагировать на прикормку.

— Черт знает что, — задумчиво произнес Марк, наблюдая за мертвым поплавком.

Прошло несколько минут прежде, чем Сэм ответил:

— И не говори. Может быть, пойдем в бар?

— В бар? Это хорошо. У тебя с собой есть деньги?

Марк уже давно думал о чем-то своем, когда Сэм удостоил его лаконичным:

— Нет, у меня голяк.

— Слушай, — рассердился Марк. — Прекращай это! Ты что, боишься распугать рыбу, которой нет? Что за паузы? Хочешь выпить — я тоже не против. Сворачиваемся — и на берег.

— Тише, у меня клюет, — Сэм зашикал на брата. — Чего разорался? Если повезет, в баре платить не придется.

— Подсекай! Уйдет ведь, — нетерпеливо зашипел в самое ухо Марк.

— Не учи ученого, советник нашелся, — Сэм мастерски подсек, леска натянулась, удочка выгнулась дугой. — Ух, какая большая...

— Может, зацепился за что-то?

— Мозги у тебя за что-то зацепились! Под нами метров пятнадцать воды. Что ж так тяжело идет? Может, черепаху кожистую мы с тобой поймали, а?

— С каких пор это у нас тут черепахи водятся? Скажешь тоже, — Марк с сомнением покачал головой. — К тому же если бы это на самом деле была черепаха, ты бы давно уже вместе с удочкой нырнул. А так — идет. Медленно, но идет. Смотри! Я что-то вижу! Тяни!

Сэм пыхтел, как паровоз, но упорно наматывал леску на катушку. Только бы выдержала... Вдруг он перестал крутить рукоятку и уставился перед собой. Проследив за взглядом